

HISTORY OF MEDICINE

ИЗ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ

УДК 342.4

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАТУСА РЕБЕНКА В ДРЕВНЕМ МИРЕ

© *Ольга Александровна Джарман, Галина Львовна Микиртичан*

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава России. 194100, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2

Контактная информация: Ольга Александровна Джарман — к. м. н., старший преподаватель, кафедра гуманитарных дисциплин и биоэтики. E-mail: olwen2005@gmail.com

РЕЗЮМЕ: В статье на основании изучения различных исторических источников проведена сравнительная оценка положения ребенка в цивилизациях древнего мира. В основном исследован статус ребенка в Древнем Египте, Древней Месопотамии и Древнем Израиле, повлиявших в дальнейшем на формирование и культуру стран Средиземноморья. Весь Древний мир был наполнен символическими смыслами, среди которых определенное место отводилось образам «детства», адекватных системе ценностей, норм, мировоззрения, традиций и культуры этих стран. Уже в те времена эти народы глубоко понимали ценность детства, видели в нем сакральную глубину. Дана сравнительная характеристика таким аспектам, как определение места ребенка в религиозных представлениях; существование в словаре этих народов слов для обозначения ребенка, положения, занимаемого ребенком в семье; традиции наречения имени; отношение к детям; наличие возрастных обрядов, легализации статуса индивида — инициации, подходов к обучению и воспитанию детей, в том числе особенности в отношении девочек; использование детского труда; социальная защищенность; изображения детей, а также существующие в отношении детей обряды жертвоприношения и погребения. Отношение к ребенку имело как отличия, так и сходные черты. Практически во всех древних обществах существовало амбивалентное отношение к детям. Наряду с любовью и трепетным отношением к желанным детям, присутствовало отвержение нежеланных, выражавшееся в буквальном выбрасывании их.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: древний мир; статус ребенка; ценность детства.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CHILD'S STATUS IN THE ANCIENT WORLD

© *Olga Aleksandrovna Jarman, Galina Lvovna Mikirtichan*

St. Petersburg State Pediatric Medical University. Saint Petersburg, Russian Federation Litovskaya str, 2, Saint-Petersburg, Russia, 194100

Contact Information: Olga A. Jarman — PhD, Senior Lecturer, Department of Humanities and Bioethics. E-mail: olwen2005@gmail.com

ABSTRACT: The paper gives a comparative analysis of the child's status in the civilizations of the Ancient world, based on studies of a variety of historical sources. The main cultures that are looked upon in the paper are Ancient Egypt, Ancient Mesopotamia and Ancient Israel, which have

influenced enormously the culture of the Mediterranean region. The Ancient world was permeated with symbolic meanings, with the special position of 'childhood images', which were adequate to the system of values, norms, beliefs, traditions and cultures of those countries. The sacral depths and the value of childhood were known to the civilizations in those times. The comparative analysis of such aspects as the position of the child in family religion, vocabulary of terms for 'child' in the languages of those civilizations, status of the child in the family, tradition of the name giving, treating, rites of passage, legalization of the individual's status such as initiation, approaches to education of children, including girls, child labour, social security, images of children, and also rites of sacrifices and burial of children. There are both similarities and differences in treating children in ancient civilizations together with the ambivalence presented in all ancient societies, when love and touching care were found side by side with the rejection of them, climaxed in child exposure.

KEY WORDS: Ancient world; child's status; childhood value.

Крупнейшими цивилизациями Древнего мира по праву считаются Месопотамия и Древний Египет. Они являлись двумя мощными полюсами, между которыми зародился и существовал Древний Израиль. Все эти цивилизации не только оставили свой след в последующих культурах стран Средиземноморья (древнегреческой, древнеримской и последующих культурах), но и оказали серьезное влияние на их формирование. Детство в древних цивилизациях (Древняя Месопотамия, Древний Египет, библейский мир) было наполнено символическими смыслами, в которых воплощались представления человека того времени о начале жизни и сущности смерти, времени и пространстве, душе и других культурных универсалиях. Образы «детства» не являются случайными, они адекватны системе ценностей, норм, традиций культур [11].

ИСТОЧНИКИ

Сколько-нибудь целостного описания феномена детства относительно рождения детей, воспитания, обучения, доведения до самостоятельности до нас не дошло. Источниками по изучению статуса ребенка в Древнем мире являются сакральные тексты, художественная литература (сказки, легенды), поучения мудрецов (например, древнеегипетское «Поучение Ани», библейские «Притчи»), письма, медицинские и юридические тексты, изображения и статуи в усыпальницах и храмах, учебные тексты и черновики учеников, различные предметы и изображения домашнего и религиозного обихода, и прочие артефакты. Важны также свидетельства путешественников-иностранцев (например, Геродота, Диодора Сицилийского). Внимание к метафорам языка также является способом получения информации, как считается в последнее время с появлением когнитивной лингвистики [15].

Исследования различных стадий жизни ребенка и человека вообще сложная задача, в частности, из-за того, что в древности люди безразлично относились к так называемому хронологическому возрасту. Египет в этом плане является некоторым исключением, так как там существовала традиция отмечать ежегодно день рождения.

МЕСТО РЕБЕНКА В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Религия неотделима от культуры древнего общества, в котором невозможно выделять исключительно светские области. Наиболее это было выражено в Древнем Египте. Египтянин древности, по мнению крупнейшего специалиста-египтолога XX века, S. Morenz, был в высшей степени *homo religiosus*, и именно религия Древнего Египта была той базой, на которой развились все удивительные достижения египтян в искусствах, науках, ремеслах [16]. Известный египтолог R. H. Wilkinson пишет: «Для древних египтян их боги были значительно больше, чем просто набор мифов и изображений. Сохранившиеся памятники дают возможность нам увидеть лишь малую толику великой власти богов Египта. Когда боги Египта были живы в умах древних египтян, то влияние их было, поистине, уникальным. Для большинства египтян (если не для каждого египтянина!) боги Египта были самим дыханием жизни. Поэтому мы можем понять культуру и общество Древнего Египта только в той мере, в какой мы понимаем древние египетские божества» [21]. Древнеегипетская религия как совокупность этико-правовых норм получает в Египте особое выражение через концепцию маат (правопорядка, данного богами, творения справедливости) и, как следствие, специфическое понятие поведения и ритуалов, выступающих как единая система. Без соблюдения маат

невозможно было прожить достойную жизнь и преодолеть смерть, стать «человеком правогласным», получившим оправдание и божественную жизнь на посмертном суде Осириса, где сердце человека взвешивалось на весах и сравнивалось со страусиным пером — символом маат. Принцип «маат» проявлялся и в отношении к беременной женщине и к ребенку, которое можно характеризовать как бережное.

В так называемой «Отрицательной исповеди» (находящейся в «Книге мертвых») умерший египтянин оправдывается на загробном суде тем, что не творил зла на земле: «...я никому не причинял страданий, **я не отнимал молока от уст детей**».

В Древнем Египте зачатие, беременность и рождение ребенка были освящены богами (Атумом, Хнумом, Исидой и др.). Понятие «дитя» и «божество» были почти синонимичны. У египтян существовали божества, ассоциируемые с беременностью и родами [5]. В гимне из Амарны (относящемся к правлению Эхнатона, но отражающему более ранние воззрения египтян) бог Атон называется «тот, кто заставлял семя произрастать в утробе женщины, кто создает народ из семени, кто питает сына в утробе матери его, кто утешает его, вытирая его слезы». С Раннединастического периода (начало третьего тысячелетия до н. э.) имело место почитание богов-детей. Для египтян мир начинался с божественного ребенка; согласно мифологии, все боги были детьми, и потом повзрослели. Наиболее значимый из них был Гор, сын Исиды и Осириса. Согласно вере египтян, как повествует греческий историк Плутарх, невинные дети считались ближе к богам, у них был дар пророчества. «Я был невинным ребенком. Я был юным, тем, кто не совершал еще ошибок» — гласит надпись на одном детском надгробии. Писец Djebnhtmose, отправленный в командировку, передает письменно просьбу к своим друзьям о том, чтобы они принесли его маленького сынишку в храм к богу Амону и помолились о его выздоровлении. Дети сохраняли близость к своим родителям и после их смерти [11].

В Месопотамии человек осознавал себя сотрудником богов, а впоследствии, в более поздние периоды — их слугою, который должен выполнять их волю и идти по предначертанной ими судьбе. Большую роль в появлении детей и человечества вообще играло представление о «богинях-матерях». Можно сказать, что для древних вавилонян каждый ребенок имел божественное происхождение. Личные бог и богиня входили в тела отца и матери,

и благодаря их благоволению мать зачинала дитя от своего мужа. В дальнейшем эти божества, которые, по мнению родителей, помогли зачатию, почитались как покровители семьи и изображались в виде отца и матери. Их роль выражалась в защите людей, находящихся под их опекой, от зловещих демонов, болезней, а также вдохновлении их на благие помыслы и дела. У них имелся в доме свой алтарь, на который ежедневно приносили жертву и молитвы. Считалось, что мальчики и девочки до периода полового созревания, а также старые женщины, не имеющие длительное время половых сношений, считались ритуально чистыми и принимали участие в определенных ритуалах. Их ритуальная чистота считалась несущей целительные качества и защищала их от козней ведьм. Мир жителей Месопотамии был населен демонами, которые были готовы украсть новорожденного у его матери. Мужской демон «lilu» был опасен для беременных женщин, а Ламашту, богиня колдовства, дочь Ану, внушала особый страх. Ее главными жертвами были еще не родившиеся и новорожденные дети, к ней относили выкидыши и «смерть в детской кроватке» (вероятно, синдром внезапной детской смерти). Плитки с изображением Ламашту предназначались для защиты от нее. Она была смертоносным многосоставным чудовищем с головой льва, зубами осла, обнаженными грудями, длинными пальцами с когтями, и ногами птицы. Существовало много заклинаний, призванных отогнать ее [17, 18].

Своеобразная ситуация сложилась в Древнем Израиле, где существовала особая форма религии — монотеизм. Израиль вступил в «завет» («договор») с Богом, и отказывался от почитания богов других народов, а также соблюдал прочие заповеди ритуального и нравственного характера. Хотя почитание иных богов, помимо Единого Бога, запрещалось, как запрещалось колдовство и вызывание духов умерших, ритуал и память об исполнении заповедей должны были пронизывать всю жизнь человека. Бог наделялся чертами как специфически мужскими, так и женскими (родильницы, кормилицы, няньки), особенно, когда надо было подчеркнуть Его тревогу о народе и замысел спасения. Бог, по мнению авторов Библии, создавал дитя в утробе и наблюдал за ним до рождения, созревания и старости без перемены своей любви. В более поздний период, связанный с Вавилонским пленом, на первое место выходит ожидание новорожденного ребенка — будущего Царя, избавляющего Израиль (Ис. 9:6) [10, 14].

СЛОВА ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ РЕБЕНКА

Словарь для обозначения ребенка в Древнем мире очень широк и не совпадает с нашим современным словоупотреблением, точные эквиваленты слов для терминов найти затруднительно. Выражена размытость значений слов, обозначающих ребенка — им может называться и совсем маленький ребенок, и подросток, и младший по рангу взрослый молодой человек или слуга, или же взрослый перед лицом бога или царя. Это отражает понятие детства в Древнем мире, которое было не столько возрастное, соответствующее количеству прожитых лет, как в первую очередь понятие социальное: ребенок не имел полноты прав и нуждался в защите.

Для обозначения ребенка у египтян имелось два слова: «ms/ms. w»¹ и «hrd/hrd. w». В Древнем Египте наименование «ребенок», «дитя» не имело четко очерченных возрастных границ: так мог называться и грудной ребенок, и юноша (или девушка) — подросток, и даже взрослый по отношению к своему отцу. Хотя в папирусе Insinger отмечается, что «человек живет десять лет и только потом может отличить жизнь от смерти», устойчивой терминологии в отношении детей достигших этого возраста и перешагнувших его, нет. Девушки-подростки (около возраста менархе) назывались «nfrwt» («neferut»), что буквально означало «цветущие» или «прекрасные», «юные». Египтяне с глубокой древности записывали и праздновали дни рождения. Тексты из Deir-el-Medina (поселение работников некрополя) указывают на то, что работник мог взять выходной по случаю «дня его» (видимо, дня рождения), а также «дня дочери его», что трактуется как день рождения ребенка. До наших дней дошло приглашение, написанное во времена Птолемеев, человеком, созывавшим гостей на день рождения своего сына. День рождения ребенка всегда праздновался в последующие годы его жизни до старости [8, 11].

Для названия детей жителями Месопотамии в разные исторические периоды использовался

богатый словарь. Неродившийся ребенок (плод), называется «ša libbiša», (буквально — «то, что принадлежит ее (материнской) утробе», или «плод чрева»). Мертворожденный назывался «kubu», новорожденный с пороками развития — «izbu». Его появление считалось великим знамением беды как для его семьи, так и для всего государства. В Старо-Вавилонском царстве существовало также выражение «ina mesu» — ребенок в процессе родов, буквально «в его амниотической жидкости» («в водах его»). Шумерское слово «LÚ. TUR» («дитя, младенец, грудной ребенок»), как правило, переводилось на аккадский в прозаическом контексте словом «sehru», а в возвышенных литературных текстах (в том числе и заклинаний-колыбельных) словом «šegru». Рост ребенка, измеряемый в локтях, мог быть также иногда заменой обозначения его возраста (например, «дитя ростом в два локтя»). В Вавилонии человек оставался социально юным (младшим) в течение многих лет, уже достигнув взрослого возраста. Роль такого «ребенка» в Месопотамии играли также часто взрослые в разных ситуациях (перед богом, отцом и другими старшими) [13, 17, 18].

В Древнем Израиле ребенка обозначали словами «yeled» и «na'ag», причем последнее распространялось и на неженатого молодого мужчину, еще не заведшего хозяйства. Оба слова имели широкий спектр значений. Так, когда мальчик Самуил стал учеником первосвященника Илия, он называется «na'ag» (1 Цар. 3:1). Первенец Гедеона не мог убить побежденных царей, потому что был еще «na'ag» (Суд. 8:20), то есть недостаточно высокого ранга, чтобы казнить царя [14]. В библейском нарративе используется широкий словарь, обозначающий ребенка разных возрастных групп, различающий последовательные стадии детства [10]. Слова, обозначающие детей, часто отражают родство, порядок рождения, пол, развитие, и сохранение в безопасности. Обозначение детства как периода тоже присутствовало: раннее детство — tsirah (Быт. 43:33), старшее детство — 'elumim (Ис. 54:4; Пс. 88:46; Иов (20:11; 33:25); поздние подростковые годы — bechurim (Числ. 11:28; Екк. 11:9; 12:1). Наиболее частое слово, употребляемое для обозначения детства и юности — ne'urim, встречающееся в Библии 46 раз. Это слово употребляется в следующих ситуациях: дети как работники (Быт. 46:34; Ис. 47:12; Зах. 13:5), дети, живущие с родителями (Лев. 22:13, Числ. 30:4–6; Числ. 30:17) и верующие Богу (3 Цар. 18:12; Пс 70:17).

¹ Знакомое большинству египетское имя «Рамсес» означает — «бог создал его». Сам Осирис (др. егип. «Usiri») носит имя, означающее «милое дитя». Библейское имя «Моисей» («Moses») является древнееврейским эквивалентом египетского существительного 'ms' (ребенок мужского пола), производного от глагола «msi» «вынашивать, рожать». Этот корень появляется и в египетских именах Ptahmose, Tuthmosis, Ahmose, Harmose. Имя «Moses», по мнению библеистов, является лучше всего сохранившейся памятью о пребывании евреев в Египте.

Считают, что детство в библейское время не было определенной фазой жизни и что Экклесиаст, эллинистический библейский автор (300–200 до н.э.), первым именуется детство или юность («yaldut») в абстрактном значении: «Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд. И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство и юность — суета». (Екклесиаст 11:9,10).

МЕСТО РЕБЕНКА В СЕМЬЕ

На Древнем Ближнем Востоке и Египте семья была патриархальной и обычно моногамной. У отца могли быть наложницы и последующие жены, их статус отражался на статусе детей. Отец был главой семьи, его власть была доминирующей над супругой, детьми и рабами. Существовало представление о роли отца и матери в зачатии. Роль супруги и матери нельзя приуменьшать, она часто могла влиять на воспитание ребенка и его судьбу, и перед ней у ребенка были определенные обязанности, как и перед отцом, закрепленные не только в традиции, но и юридические. Рождение мальчиков в целом было предпочтительнее, в разных культурах роль и место девочки-дочери варьировались. Именно в семье, в узком кругу близких родственников, начиналась социализация ребенка: усвоение норм и образцов поведения, принятых в обществе, умение строить отношения сначала в семье, затем со сверстниками. В Древнем Египте от детей требовалась любовь и почтение к родителям, дети должны были заботиться о них в старости. Погребение и сохранение памяти и имени усопшего обычно было обязанностью старшего сына, однако и у дочерей были определенные права и обязанности.

Ребенок, в мировоззрении египтян, по своему происхождению принадлежал обоим родителям. У древних египтян было представление о том, что семя исходит из костей отца и образует кости ребенка, а из молока матери формируется его плоть. В родословиях египтяне писали «такой-то сотворен отцом (имя отца)» и «такой-то рожден матерью (имя матери)». Жизнь младенца была тесно связана с жизнью матери. Египтяне очень глубоко чувствовали и подчеркивали эту связь [11]. В Древнем Египте отец был не только обязан кормить своих детей, он также должен был защищать их от физических и психологических травм и сложно-

стей. Он должен был знать о ситуации, в которую попадал его ребенок и помочь ему во время нужды. И мальчики, и девочки в Египте были желанными детьми, хотя первенцы пользовались особым преимуществом. Несмотря на то, что мальчики были более долгождан-ными детьми, в дни рождения дочерей также устраивались праздники, на которые отцу давали выходной. Не существовало отличия в распределении пищи среди детей в семье по половому принципу. Однако если сын восставал против отца, он мог быть отвергнут. Родители старались защитить своих детей от болезней с помощью молитв, амулетов, заклинаний и лекарств. Во все периоды египетской истории отношения родителей и детей отличались нежностью и теплотой. Дети, не заботившиеся о своих родителях, могли быть лишены наследства. Дети наследовали имущество родителей в равных долях, дочери также могли получить достаточно большое состояние, если семья была зажиточная. Порой мать детей могла распоряжаться их наследством, если на это имелось указание со стороны ее мужа в завещании [3].

В Древней Месопотамии отец в случае сложного материального положения (например, долга) мог продать как рабов, так и членов своей семьи. Он имел право (но не обязанность!) выкупить их назад. Нуклеарная семья, включающая в себя женатую пару и ее детей, называлась «дом»; человек должен был «построить дом» (возможно, дом воспринимался как храм, малое святилище), это строительство подразумевало рождение детей, в первую очередь, сыновей [17]. Существовала шумерская поговорка — «Сердце супруга горюет над женой, которая родила девочку, а не мальчика». В вавилонской литературе так описывается роль мужчины и женщины в зачатии ребенка: «Отец мой породил меня, мать моя выносила меня». Сын, особенно старший, должен был поддерживать своих родителей в старости и совершать обряды после их смерти. У шумеров, если у человека не было сына, наследство получала его дочь. Позже наследство стало переходить только сыновьям, и разделялось между ними. Перворожденному сыну уделялась нередко наибольшая доля наследства. Если после смерти отца оставались неженатые дети, то старший сын становился главой семейства и хозяином имени. Этот сын, который обозначался словом «IBILA» (шумерск.), «arlu» — (аккадск.), был ответственен за жертвоприношения в честь мертвых и отправление культа предков, возжигая священное масло в светильниках [18].

Дети жили в доме отца, пока не покидали его, устраивая собственный дом (сыновья) или переходили, в случае выхода замуж (дочери), в дом другого [13].

Если жена была бесплодна, муж мог взять вторую жену или наложницу, или же пара могла усыновить детей. Рождение ребенка, особенно первенца-мальчика, было радостным событием в жизни семьи и близких. Родившей женщине делались подарки и созывался пир (в богатых семьях). Однако в целом отношение к детям в Месопотамии было двойственное. По сравнению с любовными утехами, дети воспринимались, как тягота, бремя. Существовала шумерская пословица — «Несколько раз жениться — дело человеческое, иметь несколько детей — дело божественное», подчеркивая этим как важность рождения ребенка, так и сложность его выхаживания и воспитания.

Свидетельств о рождении как таковых не существовало. Уникальна старовавилонская запись, которую считают «свидетельством о рождении» — в ней дана дата рождения девочки — дочери рабыни. Возможно, что знаком признания ребенка в Месопотамии было его омовение после родов. Если этого не происходило, то он или выбрасывался, или мог быть усыновлен «в воде его и крови его». Также символическим действием, юридически означающим признание ребенка, было следующее — его клали на колени отца. «Рождение на колени» являлось термином юридического признания.² У хеттов также отец брал ребенка на колени в качестве признания его своим.

В XII табличке «Эпоса о Гильгамеше» слуга Энкиду, рассказывая герою Гильгамешу, о том, что он видел в преисподней, говорит о судьбе непочтительных детей в отношении матери и отца. «Того, кто слов матери и отца не чтит, ты видел?» — «Да, видел». — «Каково ему там?» — «Воду мутную он пьет, насыщения не получает». — «Того, кто проклет матерью и отцом, ты видел?» — «Да, видел». — «Каково ему там?» — «Он наследника не имеет, его дух одиноко блуждает» [2].

Законы Хаммурапи (XVIII век до н. э.) (параграф 195) отражали культуру своего времени, когда указывали — «Если сын ударит своего отца, ему должно отрубить руку» (речь идет о взрослом сыне). Если выросший ребенок от-

казывался от своих отца или матери, его ждало не только порицание общества, но и наказание. (параграф 195). Признавалась и роль матери, так, древне-шумерский автор от лица богини говорит, что ситуации, когда мать проклинает своего ребенка, или взрослый ребенок оскорбляет мать, были разобраны на городском совете. Ко многим богам обращались как к «отцу» или «матери» [18].

Библия видит в детях благословение Божье (Быт. 22:17; 32:13). Семья и домашнее хозяйство образовывали основную социальную единицу Древнего Израиля — «дом отца», («bet ab»). Это выражение было также широко распространенной литературной метафорой. Родство в Древнем Израиле, как и вообще на Древнем Востоке, считалось по отцовской линии, к отцу обращались «ba'al», «господин мой», он имел полную власть над хозяйством, рабами, детьми, женами. Эта власть, однако, ограничивалась: у него не было права на казнь (Втор 21:18–21). Деторождение по библейскому предписанию — основная цель брака. Продолжение рода было одной из высших ценностей в социальной этике древних израильтян. Оставление после себя потомства в Древнем Израиле ценилось выше, чем воинская доблесть (Втор. 24:5). В Еврейской Библии перворожденный сын («bekor») получает двойную долю отцовского имения (Втор. 21:17). Он имел особый статус и авторитет. Наглядным примером этого является благословение Иакова своему первенцу Исаву (на месте которого, совершив подлог, стоял второй его сын, Иаков — Быт. 48:16). Первородство давало привилегии ребенку и было распространенной практикой как в Древнем Израиле, так и вообще на Древнем Востоке. Первенец животных и человека считался собственностью Бога (Исх. 13:2). Хотя обычно первородным считался первый сын отца, однако учитывалось первородство и по матери (термин «разверзающий утробу»). Он получал двойную долю наследства (Втор 21:17), особое благословение, старшинство над братьями. В случае рождения близнецов первородным был тот, кто раньше родился (1 Парал. 2:4). Однако первородство можно было утратить из-за тяжелой вины перед отцом, как в случае Рувима, сына Иакова (Быт. 35:22; Быт. 49:3–4; 1 Парал. 5:1) [9, 14].

В экономических целях большая семья была желательнее, а мальчики предпочтительнее. Заповедь о почитании отца и матери (Исх. 29:12) включала, помимо прижизненной заботы о престарелых родителях, погребение, и почитание их памяти. Если сын оскорблял отца,

² Это явление месопотамской культуры было характерно и для библейского мира. В Библии Ефрем и Манассия усыновлены их дедом Иаковом (Быт. 48:12; Быт. 50:23). На колени Рахили рождает ее служанка, и ребенок считается ребенком Рахили (Быт. 30:3).

то его судил совет старейшин. Дочери наследовали имущество, если не было сыновей, но они должны были остаться в своем роду (Числ 27:1–11; 36:1–12). Жертвоприношение Исаака находится в плоскости религиозных ритуалов, а не в употреблении права отца [14].

Вопросы контроля рождаемости, аборт и инфантицида прямо не рассматриваются в Библии, но, тем не менее, они могли считаться противными божественному закону. Похожие законы были в культуре Месопотамии соседних культурах — Средне-Ассирийское царство (XII век до н.э.) против абортов. В Древнем Египте, как считается современными исследователями, в медицинских текстах описания средств для аборта нет [11].

ИМЯ

Решающим шагом в принятии новорожденного в семье и социум в Древнем мире было наречение имени. Имя несло поливалентную функцию, помимо простого выделения ребенка среди других, зависело от условий рождения, переживаний и надежд матери и отца, определяло, по мнению людей, судьбу ребенка и практически всегда было религиозно нагружено (яркий пример — так называемые «теофорные» имена, включавшие имя бога или богини).

В Древнем Египте наречение имени происходило после того, как окружающие ребенка убеждались по полученным предзнаменованиям и «тестам» в том, что он жизнеспособен. Имя могло быть выбрано отцом, обоими родителями, но преимущественно матерью. Имя могло быть открыто матери во сне. Часто имя составляли из слов, произнесенных матерью в родах, которыми она зывала к богам во время родов или благодарила их. Согласно легенде, имя будущего царя (фараона) изрекалось царем и царицей, во время их супружеской близости. Во время родов богиня-покровительница царских родов поведывала это имя юной матери-царице. Нарекая «великое» или «истинное» имя ребенку, родители изменяли имя бога или правящего царя, добавляя к нему глагол или прилагательное. Оно могло относиться не только к богу, но и царю или празднику, во время которого родился ребенок. Ребенка могли назвать в честь другого члена семьи, или животного [11].

В Древней Месопотамии практически сразу после рождения ребенка давалось имя. Иногда имя соотносилось с днем, или месяцем, когда родился ребенок, с праздником. «Сын двадца-

того дня» (в честь бога Шамаша — Мар-эшре), «Рожденный в Нисан (месяц)», (Нисанум), «От жатвы» (Эбуритум). Аккадские имена собственные были уникальны, в том смысле, что большинство из них отражали чувства семьи новорожденного. Например: «Мой бог умилился надо мною» или «Син услышал мою молитву». Имя царя Сеннахериба означает «бог Син дал (мне) (другого ребенка) взамен (потерянных) братьев» или «Бог Син заменил мне (утраченного) брата» или «Син преумножил братьев»). Подобные имена указывают, что даже в царской семье часты были случаи смерти детей. Детей (мальчиков) называли также в честь их дедушек. Имена могли меняться, когда взрослые достигали административных должностей — тогда они получали имя с элементом, носящим восхваление имени царя. Надпись жены царя Рим-Сина из города Ларсы восхваляет богиню Инанну как ту, «кто знает, как брать за руку тех, кто в тяготе³ и нужде». Возможно, роженица зывала так к богине Инанне. Другие имена — «нос его пришел» («Iksud-appasu») или «лицо твоё явилось» («Usi-buniku» — женское имя), видимо, имеет указание, что роды были в необычном положении (лицевое предлежание), что делало их тяжелыми. В Месопотамии дети отцов, которые умерли до их рождения, носили имя «Я-не-знаю-отца» (Abam-la-ide). Есть предположения, что единственное сохранившееся выражение «сын духа» (ассир. «hurdu», т.е. умершего) означало то же самое. Интересно, что многие герои Месопотамии были «внебрачными», например, царь Саргон и герой Бильгамес («сын духа» или «сын ветра»)⁴. Если для шумеров родители-боги подчеркивали царственность героя, то для западных семитов (аморреев) зачатие от неизвестного или сверхъестественного отца было частью героической легенды.⁵ Подавляющее большинство имен собственных в Месопотамии — как шумерских, так и аккадских были теофорными, то есть связывали ребенка или его родителей с конкретным божеством [18].

В Древнем Израиле после рождения ребенка сразу давалось имя. Наречение имени при обрезании, в восьмой день, очевидно, от-

³ «Тягота» (по-шумерски «la. ga. ah») относится к тяжелым родам.

⁴ Есть вариант перевода «сына ветра» — «дурачок».

⁵ Емельянов В.В. Гильгамеш. Биография легенды. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2015.

носятся уже к межзаветному времени (Лк. 1:59; 2:21). Часто имя давала мать (Быт. 4:1; 29:31–30:24; 35:18; 1Цар. 1:20). Например, Ева назвала первенца Каином от слова «qanah», так как она «приобрела человека от Господа». Имя давать мог также и отец (Быт. 16:15; 17:19; Исх. 2:22). Отец мог изменить имя, данное матерью, если оно было в его глазах плохим предзнаменованием. Так, умирающая Рахиль назвала своего сына Бен-Они («сын скорби»), но его отец, Иаков, изменил это имя на Вениамин⁶, «сын десницы» (Быт. 35:18). Анна дает имя Самуилу (1 Цар 1:20) и Руфь Овиду (Руфь 4:17).

Имена описывали особенности рождения (Иаков — «запинатель» («'akeb»), так как при рождении он держал брата за пятачок), качества ребенка (Корей — лысый), качества животных и растений (Халев — пес, Девора — пчела, Иона — голубь, Рахиль — овечка, Наас — змея, Шефуфан — ядовитая змея, Аууах — хищная птица, Фамарь — пальма, Су-санна — лилия и т. д.). Имя отражало особенности ситуации в стране при рождении ребенка: Ихавод («где слава?» или «отошла слава от Израиля» — 1Цар. 4:21). Пророки часто давали своим детям имена, символизирующие судьбы народа (Осия 1:4–6:9; Ис 7:3; 8:3). Характерны имена, которыми соперничающие в чадородии Лия и Рахиль называют своих детей (глава 30 книги Бытия). Считается доказательством монотеизма в Израиле отсутствие теофорных имен, упоминающих других богов. Детей также называли в честь деда и прадеда. В поздний период появились арамейские имена (Марфа, Тавифа, Бар-Толомей (Варфоломей)) [9].

БЕЗДЕТНОСТЬ. УСЫНОВЛЕНИЕ ДЕТЕЙ

Наличие детей в семье увеличивало респектабельность супружеской пары в глазах общества, отсутствие детей было позором в древних обществах. Бездетность тяжело переживалась обоими супругами, при этом основная вина в Древнем мире ложилась на женщину.

Если супружеская пара в Древнем Египте оставалась бездетной, она могла усыновить ребенка. Оставаться бездетным и не усыновлять ребенка считалось проявлением эгоизма [11].

Бездетные женщины в Месопотамии метафорически назывались «бесплодным полем». Бездетность была как наказанием богов, так и судьбой, даруемой ими же. Тягостное пребывание в преисподней бездетного человека

и бесплодной женщины описано в вавилонской поэме «Гильгамеш, Энкиду и подземный мир», входящей в цикл поэм о Гильгамеше. В 12-й табличке эпоса о Гильгамеше описывается положение человека в зависимости от наличия у него детей (имеются в виду только сыновья). Чем больше сыновей, тем счастливее человек в подземном мире — например, человек с семью сыновьями сидит как друг богов, слушает музыку, а бездетный не имеет никого, кто бы заботился о нем и ест объедки, выброшенные на улицу. Судьба бездетной женщины еще хуже, она «как разбитый глиняный сосуд» [13, 17].

Бездетность в Древнем Израиле была проклятием для семьи. Существовала социальная стигматизация бесплодной женщины. «Дай мне детей, а если не так, я умираю» (Быт. 30:1) в отчаянии говорит бездетная Рахиль Иакову. В Библии свою бездетность горько оплакивают Сарра, Анна, и Бог в дальнейшем награждает их рождением детей [9].

Однако в Вавилонии существовал класс жриц аристократического происхождения, которые были обречены на бездетность. Они могли удочерить девочку [17]. Подобное явление описано и в Древнем Египте, когда одна из дочерей фараона посвящала себя религиозному служению, и не вступала в брак. Есть мнение, что дочь Иеффая в библейской книге Судей не была принесена отцом в жертву, а осталась в качестве девы служить Скинии.

Усыновление было частым в Месопотамии. Детей усыновляли, если не было наследника мужского пола. Самой простой формой было усыновление сразу после рождения ребенка. Более старших детей усыновляли, возмещая их родителям расходы по их воспитанию. Эти действия оформляли как покупки. Контракт по усыновлению содержал условия, чтобы сохранить в неприкосновенности статус наследника (формулировка была следующей: «если даже у супружеской пары будет десять сыновей, усыновленный ребенок будет все равно считаться их первенцем»). Было распространено и суррогатное материнство. Суррогатная мать-служанка рожала детей от главы семьи, и они считались детьми законной жены. Бездетная мать могла «удочерить» женщину, вернее, принять ее, как свою сестру, и позволить ей выйти замуж за своего мужа, и таким образом юридически имела детей от своего мужа через «удочеренную» женщину. При этом статус настоящей матери детей оставался низким [18].

В Древнем Израиле бездетность рассматривалась как Божие проклятие и кара. С другой

⁶ Мы используем традиционное для Синодального перевода Библии написание древнееврейских имен.

стороны, рождение детей у престарелых бездетных матерей было образом великой Божьей милости (Сарра, Анна). Так называемый закон левирата требовал, чтобы гоэл (ближайший родственник) взял жену умершего бездетным родственника, и зачал ребенка для покойного члена семьи, чтобы сохранить имя отца и его наследство («nahala»). Внуки Иакова (дети Иосифа), Ефрем и Манассия были усыновлены Иаковом, что повысило их социальный статус до других его сыновей (Быт. 48:12). Безбрачие было чуждо культуре Древнего Израиля. Когда по приказанию Бога пророк Иеремия отказался от брака и от рождения детей (Иер. 16:2), это было воспринято, как символ грядущих бед и ухода народа в вавилонский плен. Явление суррогатного материнства было и в Древнем Израиле. Женщина могла попросить мужа, отдать служанку, «чтобы она построила свой дом от нее». Бесплодные (или малодетные) женщины, например, мать пророка Самуила, Анна, жена Елканы (1 Цар. 1:16), Лия и Рахиль в книге Бытия, гл. 30, усыновляют детей мужа от рабыни. Дед мог усыновить внуков, что повышало их статус и делало равными братьям своего отца⁷ [9, 10, 14].

ВЫБРАСЫВАНИЕ ДЕТЕЙ

Двойственность отношения к детям в Древнем мире особенно ярко проявляется в феномене «выбрасывания». Наряду с трепетным отношением к желанным детям, присутствовало отвержение нежеланных, выразившееся в буквальном оставлении их на произвол судьбы. Этот феномен был характерен не только для древнего, но также и античного мира, и даже европейской цивилизации. На произвол судьбы выбрасывались нежеланные дети (по экономическим или другим причинам, например, внебрачные, чаще девочки). Родители тем самым отказывались от своих прав на них, и такие дети могли быть усыновлены или обращены в рабство любым человеком [20].

Учитывая сакральность феномена детства в культуре Древнего Египта, это явление там маловероятно, сведений о выбрасывании детей нет. Кроме того, как сообщал античный историк Диодор Сицилийский, ни один египетский ребенок, даже ребенок рабыни, не считал-

ся «незаконнорожденным». В эллинистический и римский период египтяне подбирали и растили в своих семьях тех новорожденных детей, которых оставляли среди городских нечистот греки и другие народы, поселившиеся в Египте после утраты им самостоятельности. По закону таких детей можно было либо усыновить, либо обратить в рабство [11].

В Месопотамии же существовала практика оставления нежеланного по каким-то причинам ребенка на произвол судьбы (из-за того, что ребенок имел пороки развития или из-за своей бедности). Выброшенный и спасенный усыновителями или другими людьми ребенок описывался в литературе в ярких и выразительных словах: «тот, кто был найден в колодце»; «тот, кого взяли с улицы»; «тот, кого вырвали из пасти пса»; «тот, кто освобожден из клюва ворона»; и самое простое — «тот, кто не знает своих отца и матери» [13, 18].

Народы библейского мира (хананеи, амореи и т.п.) также практиковали выбрасывание детей, но достоверных свидетельств того, что оно имело место в Древнем Израиле, нет. Образ в книге пророка Иезекииля, повествующий о Боге, нашедшем Израиль как девочку-найденку и усыновившем ее (Иез. 16), говорит о том, что данный феномен был знаком современникам пророка [20].

ОБРЯДЫ ПЕРЕХОДА

Практически во всех древних обществах существовали возрастные обряды легализации статуса индивида в сообществе других людей — инициация. Так, в Древнем Египте существовала церемония, во время которой на голове мальчика завязывалась особая повязка («tz medh»), после чего он становился взрослым в глазах окружающих, у него появлялись соответствующие обязанности, и его детство заканчивалось. В реальной жизни юноша примерно в возрасте 21 года получал свой первый пост писца после проведения этой церемонии. Было ли обрезание⁸ частью инициации, неизвестно. Некоторые мумии имеют следы обрезания, другие — нет. Неясно, в каком возрасте и насколько систематически оно применялось. Возможно, было совершение и символического обрезания (один из царевичей, страдавший слабым здоровьем и, по-видимому, нарушением свертываемости крови, в отличие от двух

⁷ Так, Иаков благословил сыновей Иосифа (Быт. 48:16). Вероятно, дети Иосифа, рожденные от египетской жены, дочери жреца, могли не получить признания после смерти Иосифа как полноценные члены народа Израильского.

⁸ Первые данные о нем дошли до нас из Египта VI династии, 3 тысячелетие до н. э. (Саккара).

его братьев, был не обрезан). Подвергались ли девочки обрезанию, неизвестно [11].

В библейские времена обрезание существовало у западно-семитских народов (к ним относились израильтяне, аммониты, моавитяне, эдомитяне, мадианитяне), а у восточно-семитских отсутствовало (жители Месопотамии — аккадцы, ассирийцы, вавилоняне, часть хананеев); народы несемитского происхождения филистимляне (эгейского или раннего греческого) также не употребляли обрезание [14].

Израильский ребенок обрезывался в 8 день, (Быт. 17:12, Лев 12:3). Его проводил отец (Быт. 21:4), а не священник или жрец, и никогда в святилище. Указанием на глубокую древность этого обряда является использование каменного ножа. Обрезание несло функцию признания ребенка членом этнической общности, членом особого союза с Богом.

Соседние народы обрезывали мальчиков позже (в препубертате). Только обрезанный мужчина мог принять участие в ритуале праздника Песах (Исх. 12:48–49).

Обрезание носило различный характер в Египте и Израиле: евреи удаляли крайнюю плоть и обнажали согопа penis, а египтяне делали дорзальный надрез, обнажая glans penis.

ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ

В Древнем Египте дети росли под опекой матери, которая заботилась о них и в раннем детстве, и когда они отправлялись в школу. Как гласит надпись на стеле в Тель-Амарне, цариц Меритатен и Мекетатен, «достигнут зрелости под руководством своей матери (Нефертити)». В эпоху Древнего Царства превалировало частное обучение, без организованных школ. Первое упоминание о египетской школе относится к 2000 г. до н. э. После Первого переходного периода и вступления Египта в период Среднего Царства (2061–1665 гг. до н.э.) возникла потребность в большем количестве образованных людей, которые заняли бы соответствующие административные посты в набирающем силу государстве. В Среднем Царстве появляется сам термин «школа». Наиболее сохранившиеся сведения о структуре образования дошли до нас с периода Нового Царства. Обычно ребенок начинал образование в 5 лет, но, если его психофизическая зрелость еще не наступила, он мог пойти в школу позже. Для ремесленника школьное обучение длилось 4 года, для претендента на должность писца еще 12 лет. Это было непосредственное обучение «на рабочем месте», доступное только де-

тям элиты. При этом ученик получал титул «помощник такого-то» (буквально это звучало как «тот, кто под рукой (руководством) такого-то»). Потом ученик получал титул писца («sš»). Таким образом, обучение заканчивалось к 21 году [8].

Методами преподавания были — слушание учителя, заучивание преподаваемого наизусть. Однако мудрец Хети говорит в поучении своему сыну: «Кто есть сын добрый, которого дает бог? Это тот, кто прибавляет к тому, что учитель говорит ему». По глиняным черепкам, на которых учились писать ученики, можно узнать, что они изучали также орфографию, спряжение, литературный стиль, геометрию, и даже иностранные языки — например, вавилонский, критский, нубийский. В образование входило овладение системой письменности и чтение религиозных и других текстов, знакомивших ребенка и подростка с моральными и культурными ценностями своего народа. Большое значение уделялось поведению. Идеальным ребенком-учеником был «молчаливый», тот, кто внимает учению. Мальчиков обучали правилам поведения по отношению к старшим и подчиненным, а также правилам поведения за столом. Лень была строго наказуема, лентяев пороли. Некоторым чрезмерно резвым и неусидчивым ученикам запирали ноги в колоду [8].

Дети знати сопровождали своих родителей при осмотре имения, тем самым обучаясь ведению хозяйства. Со времен V династии знатные молодые люди обучались в особых школах-интернатах или во дворце фараона совместно с царевичами, чтобы стать верными соратниками будущего царя, чиновниками высшего ранга. С конца правления VI династии мальчики незнатного происхождения могли достичь высоких государственных постов. Их образованием занимался особый государственный чиновник, которого называли «отцом по разуму». Неясно, учились ли все дети вместе, независимо от уровня знаний, или было разделение на классы. Программа варьировала от того, к какой деятельности готовили учеников. Большое значение придавалось заучиванию текстов наизусть и повторением их вслух нараспев. Образование также включало обучение этике и морали, т. е. верности царю, тактике поведения в различных социальных ситуациях, поклонение богу. Все это суммировалось ключевым термином египетской культуры — «маат». Существовало множество текстов, под названием «Почтение...», в которых отец или учитель беседовал с сыновьями на вышеуказанные

темы. Наиболее известные школы Нового Царства находились в Фивах.

Помимо изучения наук, юноши из высшего класса общества занимались физическими упражнениями — плаванием, стрельбой или бегом (примером такого воспитания является личное мужество, проявленное Рамсесом II на поле битвы при Кадеше).

Те мальчики, которые собирались служить в армии, должны были покинуть своих родителей в довольно юном возрасте.

Из системы образования были исключены женщины, рабы, иноземцы. Однако многие женщины среднего класса были грамотны, возможно, они учились писать от своих отцов или братьев [11].

Практически ничего неизвестно относительно того, какое образование получало неграмотное меньшинство. По всей видимости, это было знание профессионального ремесла, которые передавались от отца к сыну. Мальчики из бедных семей помогали пасти скот, отпугивали птиц от зреющего урожая, во время сбора урожая карабкались на пальмы, помогая собирать плоды, а также помогали собирать и отжимать виноград.

В Месопотамии школьное обучение получали сыновья царского рода, а также обеспеченных лиц, имеющих профессии писцов, гадателей, врачей, экзорцистов, а также и администрация дворца и храмов. Школа называлась «eduba» («эдубба») (буквально, «дом таблички»). Учитель считал, что беречь розгу — значит баловать ребенка. Только малое количество детей в Вавилонии было обучено письму, чтению и счету, и лучшие из них продолжали обучение в «высшей школе» [1, 17].

Воспитание и образование детей в Древнем Израиле подразделялось на три категории, религиозное, по призванию и военное. Родители были обязаны объяснять детям «великие дела Божии», в первую очередь, события Исхода, связанные с празднованием Песаха. Для детей и подростков предназначалась поучительная литература жанра «премудрости» (притчи).

Дети сопровождали своих родителей в святилища и Храм, могли быть посвящены на служение Богу при Храме (история Самуила, отданного в Храм по обету его матерью Анной), а также могли стать особым классом — назорейями (как Самсон по обету родителей). Мальчики, сопровождая отца на войне и охоте, учились пользоваться луком, пращей и мечом. Есть указания на особое военное обучение мальчиков, приближенных к царскому двору (1 Цар 8:11–13) [9, 14].

ВОСПИТАНИЕ ДЕВОЧЕК

В Древнем мире девочек с детства воспитывали как будущих жен и матерей, их воспитанием преимущественно занимались матери. Девочки не получали школьного образования, но в богатых семьях они могли заниматься под руководством родителей или частного учителя. Девочки рано начинали помогать матери по хозяйству, бедные девочки могли поступать в услужение. Брак заключался рано, вскоре после менархе, разница в возрасте между супругами была различной. Особое значение придавалось отсутствию половых связей до брака [17].

Так, женщины среднего класса в Древнем Египте были грамотны (найжены письма женщин из поселка при некрополе (раскопки в Дейр Эль-Медине). Возможно, они учились писать от своих отцов или братьев. У царевен были учителя-мужчины (буквально их называли «мужчины-кормилицы»). Возможно, такие учителя были и у девочек из благородных семей. Порой они изображаются рядом со своими ученицами. Возможно, такие учителя были и у девочек из благородных семей. Есть изображения отца с дочерьми, особое место среди них занимают изображения царя Эхнатона, играющего со своими дочерьми. Феномен женщины-царя в Древнем Египте, ярким примером которого является судьба Хатшепсут, говорит о том, что дочь могла в исключительных случаях играть для своего умершего отца («Осириса» в мифологическом восприятии) роль божественного сына-спасителя («Гора»). Девочки из бедных семей не получали никакого образования. Они учились у своих матерей необходимым им после выхода замуж навыкам, помогали матерям ухаживать за домашней птицей, домашними животными, или трудились с ними вместе на поле, подбирали оставшиеся после жатвы колосья. Примерно с 5–7 лет старшие девочки ухаживали за своими младшими братьями и сестрами, сохранились изображения, где они носят их на себе. Девочки принимали участие в религиозных церемониях, например, в оплакивании умерших наряду со взрослыми женщинами [8, 11].

В Месопотамии брачный возраст составлял примерно от 14 до 20 лет для девушек (а для мужчин — от 26 до 32 лет). Исключение составляли жрицы-девственницы царского происхождения, которые становились жрицами («entu»), а также дочери высшей аристократии, которые становились затворницами и жили в «монастыре». Все они были посвящены раз-

личным богам, но условие сохранения девства было одинаково для всех [13, 17].

О возрасте вступления в брак документами в Древнем Израиле мы не располагаем. Единичные упоминания в ранних текстах и множество в поздних, свидетельствуют, что девочки выходили замуж в ранней юности, подростками, а мужчины ждали брака до 20–30 лет. Отец отвечал за религиозное воспитание и поведение дочери (Числ. 30, 4–6). Пример дочери Иеффая, вышедшей с песнями встречать отца-победителя, и его горе об утрате ее, говорит о том, что дочери могли быть очень близки к своим отцам [14].

ДЕТСКИЙ ТРУД

Мальчики больше помогали в сельском хозяйстве, а девочки — в домашнем. В Древнем Египте мальчики, которые еще не начинали учиться грамоте, также ходили с отцом на работу. Существуют изображения мальчиков в овчарне, где они играют и помогают своему отцу. Мальчики помогали пасти скот, отпугивали птиц от зреющего урожая, во время сбора урожая карабкались на пальмы, помогая собирать плоды, а также помогали собирать и отжимать виноград. Девочки из бедных семей помогали матерям ухаживать за домашней птицей, домашними животными, или трудились с ними вместе на поле. Старшие девочки носили на себе своих младших братьев и сестер. Некоторые девочки могли работать в услужении у знатных женщин. Существуют изображения, на которых девочки застилают постель госпожи, помогают госпоже наряжаться, подают пищу и танцуют на пирах. Те мальчики, которые собирались служить в армии, оставляли дом родителей рано, в 10 лет. Их служба начиналась с выполнения различных работ в военном лагере — например, они ухаживали за животными. В захоронении визиря Рехмире есть перечень детей, чьи родители были рабами, и перечень работ, которые они могли выполнять. Диодор Сицилийский писал, что дети, видимо, с 7–10 лет, работали в шахтах, протаскивая блоки через низкие галереи и проходы. Вполне возможно, что эти дети как раз и были детьми рабов. Согласно египетской традиции маат, монументальная живопись изображает детей за легкой работой, однако неизвестно, насколько в этот период общего духовного кризиса египетской культуры и правлений Птолемеев, а затем и Рима, соблюдалась маат в отношении детей-рабов. Письмо, относящееся к периоду Нового цар-

ства, содержит жалобу матери на то, что ее дочери приходится «работать», хотя она «еще ребенок». Это может означать, что мать отдала дочь в услужение, под тем условием, что она будет выполнять только легкую работу. Указание, что девочка была «заменена слугой» может указывать на то, что ей приходилось выполнять работу взрослого [8, 11].

Большинство мальчиков в Месопотамии, как и в других странах Древнего Востока, обучалось ремеслу своего отца или отдавались в ученики, или работали в поле с отцом. Считалось, что бог Энлиль велел сыну следовать отцовской профессии или ремеслу.

Как и в древнем Египте, с 7 лет, если не раньше, росло участие детей в экономической жизни села. Девочки с этого возраста (и может быть раньше) должны были помогать своим матерям по хозяйству и с младшими сестрами и братьями. Из текстов Мари и других мы знаем, что дети сопровождали работающих матерей, которым давали на них дополнительный рацион. Возможно, детям поручали простые виды работы. Хотя большинство этих работ не указываются, мальчиков могли нанимать собирать комья глины («*kirbanu*») в полях, или даже работать в ткацких мастерских («*klunsillu*») с 5–6 лет, что требовало определенной ручной ловкости [13, 17].

В Древнем Израиле дети также помогали родителям в домашней работе — так, Давид был пастухом, Рахиль смотрела за овцами. Отец занимался обучением детей сельскому хозяйству, пастушескому, разным ремеслам. Сын сунамитянки, когда подрос, пошел к жнецам, очевидно, для помощи им, или для того, чтобы отнести им пищу (4 Цар 4:18). Девочки имели обязанности во время жатвы подбирать колосья (Руфь 2:8) [9, 14].

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ

Сироты и вдовы из низших классов общества, несомненно, обречены были владеть жалкое существование, если у них не находилось мужчины-родственника, который взялся бы их опекать. Начиная с Первого переходного периода (2191–2061 гг до н. э.), знатные люди Древнего Египта указывали среди своих заслуг то, что они «заботились о сироте и вдове». Согласно другим текстам, много сирот было «отдано в руки бога», что предполагает наличие приюта при храме. Довольно часто, тем не менее, эти сироты были оставляемы на произвол судьбы и вели скитальческую жизнь. В Месопотамии сироту могли усыновить близкие родственники или чужие люди. Жрицы-девы усы-

новляли детей бедняков, например, вдов, оставшихся с детьми на руках, а не только своего класса. Задokumentирован случай, когда вдова не могла вырастить всех своих троих детей, но она приложила все усилия для того, чтобы её младший сын сохранил статус свободного гражданина. Она отдала своего сына на усыновление жрице, и сама осталась при ребенке кормилицей [18]. Подобная ситуация описывается в Библии в легенде о Моисее (усыновление Моисея дочерью фараона, когда Моисея вскармливает его родная мать). Специалисты утверждают, что легенда о Моисее отражает семитские (в частности, месопотамские), а не египетские реалии (как легенда о Саргоне). Возможно, плата матери-кормилице, отдавшей свое дитя, было частой реальностью семитского мира [12].

О рожденном после смерти отца ребенку мог возникнуть спор. Ассирийские законы обсуждают случай, если его мать снова вступит в брак. Если его не усыновлял новый муж, он оставался членом семьи своего (умершего) отца. Существовал термин «сын вдовы» («*maḡ almatti*») — возможно, незаконнорожденный сын.

Законодательство Древнего Израиля от лица Бога предписывало помогать пришельцу, сироте и вдове: «Не суди превратно пришельца, сироту [и вдову], и у вдовы не бери одежды в залог; помни, что и ты был рабом в Египте, и Господь [Бог твой] освободил тебя оттуда: посему я и повелеваю тебе делать сие. Когда будешь жать на поле твоём, и забудешь сноп на поле, то не возвращайся взять его; пусть он остается пришельцу, [нищему], сироте и вдове, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всех делах рук твоих. Когда будешь обивать маслину твою, то не пересматривай за собою ветвей: пусть остается пришельцу, сироте и вдове. [И помни, что ты был рабом в земле Египетской: посему я и повелеваю тебе делать сие]. Когда будешь снимать плоды в винограднике твоём, не собирай остатков за собою: пусть остается пришельцу, сироте и вдове; и помни, что ты был рабом в земле Египетской: посему я и повелеваю тебе делать сие» (Втор. 24:17-21) [9].

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ДЕТЕЙ

Феномен жертвоприношения детей, вопреки расхожему мнению, отсутствовал в двух великих цивилизациях древности — Месопотамии и Египте.

Дети в Древнем Египте, в отличие от соседних народов, следовавших иным религиозным

традициям, никогда не приносились в жертву богам на протяжении всех трех тысячелетий его истории. Более того, за убийство ребенка полагалось наказание по закону [11].

В Вавилонии при пороках развития у новорожденного, которые считались дурным предзнаменованием, надлежало совершить очистительную жертву с покаянными молитвами, воздвигнув временный «храм», а ребенка умертвить, выбросив в Евфрат [18]. Однако этот феномен, хотя и вызывает у нас содрогание, не может считаться «жертвоприношением ребенка» с точки зрения религиоведения. Ребенок умерщвлялся не в жертву (жертва, в виде драгоценных камней и цветов, приносилась отдельно, указанная в особой табличке), а как несущий печать зла. Следует отметить, что в жертву богам всегда приносили лучшее, поэтому ребенок-урод не мог быть в любом случае такой жертвой. Других сведений о детских жертвоприношениях в Месопотамии (и у восточных семитов) нет [7].

Другая ситуация имела место в культурах западных семитов, тесно соприкасавшихся с библейской. Жертвоприношения детей широко практиковались у западных семитов (хананеи, карфагеняне), чему есть свидетельства как в Библии (например, 4 Цар 3:26–27)⁹, так и по данным археологии [19].

Эти практики в Древнем Израиле были запрещены от лица Бога. Перворожденные принадлежали Богу, но искупались жертвой животных (Исх. 13:11–15; 22–28; 34–20). Бог запретил жертвоприношения детей и первенцев в том числе (Лев. 20:2–5), левиты (колено Левия) были посвящены на служение Богу как замещение первородных детей всего народа (Числ. 3–12–13; Числ. 8:16–18). Однако детские жертвоприношения практиковались довольно широко в допленную эпоху, хотя жарко обличались пророками Иеремией (Иер. 7:24–34) и Иезекииелем (Иез. 20:24–27). В Библии во многих местах сурово осуждается этот варварский культ (Быт. 22; II Цар. 21:6; Иер. 7:31; Иех. 23:39; Миха 6:7).

Впоследствии произошло осмысление богословской идеи о том, что Бог — творец всего,

⁹ Моавитский царь Меша принес своего первенца в жертву во время бедственного положения на войне: «И увидел царь Моавитский, что битва одолевает его, и взял с собою семьсот человек, владеющих мечом, чтобы пробиться к царю Едомскому; но не могли. И взял он сына своего первенца, которому следовало царствовать вместо него, и вознес его во всеожжение на стене... и они (израильяне) отступили от него и возвратились в свою землю» (4 Цар. 3:26–27).

в том числе и детей во чреве¹⁰. Смерть ребенка как в результате жертвоприношения, так и пассивное, без пролития крови, оставление — стала неприемлемой.

ПОГРЕБЕНИЕ ДЕТЕЙ

Если ребенок умирал, родители всегда горестно оплакивали его.

Умерших младенцев египтяне могли хоронить под полом в доме родителей, на особых детских кладбищах (некрополях), в собственных, отдельных могилах в некрополях взрослых или вместе с одним (или обоими) родителями. Последний вид захоронения подчеркивает тесное общение между родителями и детьми. Вероятно, и дети с пороками развития не убивались, и считались людьми, которых ждет светлое посмертие — об этом свидетельствует захоронение ребенка-анэнцефала с соблюдением обряда мумифицирования [11].

В Месопотамии детей погребали, закапывая прямо в доме под полом (однако так могли хоронить не только детей). Такие захоронения сохранились в городах Ур, Nuzi и др. Известный исследователь месопотамской религии и культуры Th. Jacobsen полагает, что храм Nigingar в городе Исин служил также кладбищем для мертворожденных или недоношенных детей, а также хранилищем последов детей, родившихся живыми [17, 18].

Описание оплакивания родителями умерших детей (Иосифа Иаковом и Рахилью (собирательным образом матери, всех вообще умерших детей)) описаны в Библии [14]. Сохранились западносемитские захоронения детей, трактуемые и как кладбища умерших обычной смертью, и как погребения детей, принесенных в жертву [20].

ИЗОБРАЖЕНИЯ ДЕТЕЙ

Древнеегипетские росписи изображают обнаженных мальчиков, прыгающих в высоту, занимающихся борьбой, ходящих по канату, соревнующихся в том, кто дольше удержит равновесие или дальше бросит палку. На изображениях мальчики часто несут (привязанную) за крылья птицу, а девочки — цыпленка или утенка в прижатых к груди ладонях.

¹⁰ В апокалиптической литературе, напр. Книге Еноха, оставление детей — признак апокалиптических бедствий, так поступают безбожники, за это на них грядет суд. Так же и в христианской апокалиптической литературе.

На большинстве изображений мальчики и девочки играют раздельно. Девочки всегда нарядно одеты. Они учатся танцевать, играть на музыкальных инструментах, а также принимают участие в акробатических играх или жонглируют мячами. В живописи Древнего Царства детей часто изображали вместе с родителями. На сохранившихся изображениях матерей с детьми видно, что самых младших несут в особом покрывале, закрепленном на плечах матери (слинг) или в небольшой «сумке», крепившейся на шее матери, дети постарше держатся за свою мать или старшую сестру. На барельефе в усыпальнице Хоремхеба изображена мать с ребенком в слинге. Второй ребенок сидит «верхом» на плечах матери. Известны рельефы и статуэтки, относящиеся к Древнему Царству, изображающие кормящих матерей с детьми на коленях. На изображениях, датируемых временем Нового Царства (1569–1081 гг. до н.э.) мы видим, как вся семья отправляется на совместную прогулку в тростниковой лодке, охотясь на птиц и рыбака. У мальчиков волосы выбриты, за исключением локона сбоку или плетеной косы с завитым концом. Локон сбоку (на виске) был в моде у царевичей и царевен, а также у верховного жреца Мемфиса, который часто был царевичем по происхождению. Такая плетеная коса («локон юности») сначала была только у мальчиков, а с V династии (2513 г. до н.э.) ее стали носить и девочки. Боги-дети Гор, Хонсу и Ихти изображались в виде детей с локоном или косой. Волосы девочкам, как из обычных, так и из знатных семей либо полностью обривали, либо заплетали в тугие косички. Начиная со времен Древнего Царства детей изображают вкушающими заупокойную трапезу со своими родителями, принесенную для вечности; в Новом Царстве существовали изображения детей, сопровождающих своих родителей в поездке на лодке по реке в посмертии [11].

Изображения детей в Месопотамском искусстве редки, как указывалось ранее, и в основном связаны с Ранне-Династическим и Ново-Ассирийским периодом. Найдено множество терракотовых миниатюр бронзового века, изображающих женщину (очевидно, богиню-мать) с младенцем на руках. Хорошо известен раннединастический барельеф Ур-Нанше, изображающий царя Лагаша, как строителя храмов, несущего на голове корзину с глиной для изготовления первого кирпича, а его семья и придворные наблюдают. В верхнем регистре изображены его дочь и четверо сыновей, в нижнем регистре еще трое сыновей. Дочь, в обор-

чатом платье, выше ростом, чем ее братья, и, видимо, взрослая. Одежда сыновей не оборчатая, придворных тоже. Сыновья разного роста, один достигает роста придворного, стоящего позади восседающего Ур-Нанше в нижнем регистре, что совпадает с месопотамской «социальной перспективой». Сыновья изображены как миниатюрные взрослые. Возраст сыновей неизвестен, возможно, небольшая разница в росте говорит о такой же разнице в возрасте [13]. Очень драматичны изображения жертвоприношений детей [20].

Библейский запрет на изображения сыграл свою роль, и дошедшими изображениями непосредственно от эпохи Первого и Второго Храма мы не располагаем. Однако существуют образы матери или кормилицы с ребенком на руках, часто кормящей его грудью, дошедшие до нас из библейского мира — Угарита, Ханаана, Финикии. К ним относится угаритская панель из слоновой кости, хранящаяся в музее Дамаска, с изображением богини-божественной кормилицы (вероятно, Анат), в котором смешаны египетские, хеттские, минойские и ханаанские черты. На главе богини солнечный диск, у груди — двое мальчиков, вероятно, царского рода [6].

Заключая, надо отметить, что ребенок занимал в мировоззрении людей древних цивилизаций Средиземноморья определенную нишу. В рассматриваемых цивилизациях отношение к ребенку имело как отличия, так и сходные черты. Любовь к детям была характерной чертой древних цивилизаций, особенно египетской и израильской.

В Древнем Египте ребенок был живым олицетворением божественного, живым человеческим существом в процессе постоянного становления. Каждый ребенок рассматривался как будущий борец против зла за сохранение божественной справедливости, маат, иными словами, он был Гором-Младенцем. И именно оттого, что он младенец, оттого, что он слаб, он и нуждался в опеке — для того, чтобы он смог совершить замысленное о нем, осуществить сердцевину мифа в своей жизни, в своей семье и во всем Египте.

В культуре Месопотамии, не занимая центральное место, ребенок как символ, образ и феномен, пронизывал все слои культуры. В отношении к ребенку со стороны общества отмечается выраженная амбивалентность: с одной стороны, его могут выбросить сразу после родов, продать вместо платы кормилице, та же кормилица может подменить и сделать его из свободного рабом, а с другой стороны, его

могут усыновить, его права гарантируются законом, образ ребенка глубоко укоренен в религиозной мысли, от рождения и возрастания богов до царственного усыновления богиней царя. Эта полярность, порой способная шокировать современного исследователя, отражалась и на менталитете взрослого жителя Месопотамии, где центральное место занимало отношение со своим личным богом, по типу «родитель—ребенок». Эта же схема отношений сохранялась в отношении старших, начальников и царя. Полное бесправие ребенка с одной стороны, и удача (усыновление, например), составляли часть восприятия своей человеческой судьбы. Иными словами, месопотамец никогда не прекращал быть ребенком, но это состояние суживалось до отношения с богом и правителем.

В Древнем Израиле ребенок был символом возрождения народа, особенно после Вавилонского плена. Ребенок для древнего еврея — собственность Бога, а не человека. Для библейской культуры характерным является отрицание детских жертв, распространенных у соседних западно-семитских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева В. К., Дьяконов И. М., ред. Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии. М.: Алетей; 2000.
2. Афанасьева В. К., ред. От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение»; 1997.
3. Джарман О. Статус женщины в Древнем Египте. Медицина и организация здравоохранения. 2017; 2 (1): 48–56.
4. Кузичин В. И., ред. Законы Хаммурапи. История Древнего Востока. Тексты и документы: учебное пособие. М.: Высшая школа; 2002.
5. Рак И. В. Египетская мифология. СПб.: Летний сад; 2000.
6. Budin S. L. Images of Woman and Child from the Bronze Age: reconsidering fertility, maternity, and gender in the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press; 2014.
7. Bremmer J. N. The Strange World of Human Sacrifice. Leuven: Peeters; 2007.
8. Brunner H. Altaegyptische Erziehung. Wiesbaden: Harrassowitz; 1991.
9. De Vaux R., J. Les institutions de l'Ancien Testament. Israel: Les Editions du Cerf; 1958.
10. Fewell D. N. (ed.) The Oxford Handbook of Biblical Narrative. Oxford: Oxford University Press; 2016.
11. Feucht E. Das Kind im Alten Agypten. Frankfurt & New York: Campus; 1995.

12. Gunkel H. Das Märchen im Alten Testament. Frankfurt am Main: Athenäum; 1987.
13. Harris, R. Gender and Aging in Mesopotamia: The Gilgamesh Epic and Other Ancient Literature. University of Oklahoma Press; 2003.
14. King Ph.J., Stager L.E. Life in Biblical Israel (Library of Ancient Israel). Louisville-London: Westminster John Knox Press; 2002.
15. Kövecses Z. Metaphor in Culture: Universality and Variation. Cambridge, Cambridge University; 2005.
16. Morenz S. Egyptian Religion. Ithaca, NY: Cornell University Press; 1973.
17. Nemet Nejat K.R. Daily Life in Ancient Mesopotamia. London: Greenwood Publishing Group; 1998.
18. Stol M. Birth in Babylonia and the Bible: Its Mediterranean Setting. Groningen: Styx; 2000.
19. Stravropoulou F. King Manasseh and Child Sacrifice (Beiheft zur Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft). Berlin: De Gruyter; 2004.
20. Tuor-Kurth Ch. Kindesaussetzung und Moral in der Antike: jüdische und christliche Kritik am Nichtaufziehen und Töten neugeborener Kinder. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 2011.
21. Wilkinson R.H. The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt. London: Thames & Hudson; 2003.
5. Rak I.V. Egipetskaya mifologiya. [Egyptian mythology]. SPb.: Letniy sad; 2000 (in Russian).
6. Budin S.L. Images of Woman and Child from the Bronze Age: reconsidering fertility, maternity, and gender in the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press; 2014.
7. Bremmer J.N. The Strange World of Human Sacrifice. Leuven: Peeters; 2007.
8. Brunner H. Altaegyptische Erziehung. Wiesbaden: Harrassowitz; 1991.
9. De Vaux R., J. Les institutions de l'Ancien Testament. Israel: Les Editions du Cerf; 1958.
10. Fewel D.N. (ed.) The Oxford Handbook of Biblical Narrative. Oxford: Oxford University Press; 2016.
11. Feucht E. Das Kind im Alten Agypten. Frankfurt & New York: Campus; 1995.
12. Gunkel H. Das Märchen im Alten Testament. Frankfurt am Main: Athenäum; 1987.
13. Harris, R. Gender and Aging in Mesopotamia: The Gilgamesh Epic and Other Ancient Literature. University of Oklahoma Press; 2003.
14. King Ph.J., Stager L.E. Life in Biblical Israel (Library of Ancient Israel). Louisville-London: Westminster John Knox Press; 2002.
15. Kövecses Z. Metaphor in Culture: Universality and Variation. Cambridge, Cambridge University; 2005.
16. Morenz S. Egyptian Religion. Ithaca, NY: Cornell University Press; 1973.
17. Nemet Nejat K.R. Daily Life in Ancient Mesopotamia. London: Greenwood Publishing Group; 1998.
18. Stol M. Birth in Babylonia and the Bible: Its Mediterranean Setting. Groningen: Styx; 2000.
19. Stravropoulou F. King Manasseh and Child Sacrifice (Beiheft zur Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft). Berlin: De Gruyter; 2004.
20. Tuor-Kurth Ch. Kindesaussetzung und Moral in der Antike: jüdische und christliche Kritik am Nichtaufziehen und Töten neugeborener Kinder. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 2011.
21. Wilkinson R.H. The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt. London: Thames & Hudson; 2003.

REFERENCES

1. Afanas'eva V. K., D'yakonov I. M., red. Kogda Anu sotvoril nebo. Literatura drevney Mesopotamii. [When Anu created the heaven. The literature of Ancient Mesopotamia]. M.: Aleteyya; 2000. (in Russian)
2. Afanas'eva V. K., red. Ot nachala nachal. Antologiya shumerskoy poezii. [From the very beginning Anthology of Sumer poetry]. SPb.: Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie»; 1997 (in Russian).
3. Jarman O. Status zhenshchiny v Drevnem Egipte. [Status of the woman in Ancient Egypt] Meditsina i organizatsiya zdavookhraneniya. 2017; 2 (1): 48–56 (in Russian).
4. Kuzishchin V.I., red. Zakony Khammurapi. Istoriya Drevnego Vostoka. Teksty i dokumenty: uchebnoe posobie. [The Code of Hammurabi. History of the